«Человек не чувствует себя архитектором своей жизни»

Специально для «Forbes+1»

Основатель Центра социального проектирования «Платформа» Алексей Фирсов — о том, как COVID-19 меняет устройство общества

Люди ожидают нового устройства мира, хотя и очень смутно видят его контуры, считает Алексей Фирсов, социолог и основатель Центра социального проектирования «Платформа». Plus-one.ru поговорил с ним о том, какие социальные трансформации спровоцировала пандемия и почему общество пересматривает прежние ценности.

«Мы оказались в гомогенной среде»

Пандемия на уровне общественных настроений разворачивалась как борьба страхов. Физический страх требовал ужесточения ограничений, а экономический — напротив, их снятия. Пандемия породила и более глубокий социальный страх потери опоры, связанный с общей уязвимостью общества. Мир меняется настолько быстро, что требует кардинальных изменений в жизненной стратегии.

Накладываются и более сложные фобии — например, страх цифрового контроля. Во время пандемии мы увидели наметки дивного нового мира, в котором прозрачность становится тотальной, инструменты контроля — абсолютными. У людей создавалось ощущение, что они попали в другую реальность, ядром которой стали цифровые процессы.

При этом энтузиазм в отношении удаленной работы и онлайн-потребления быстро угас из-за ослабления личных связей. А доступность 24/7 за счет цифровых каналов стала угнетать.

Люди оказались в гомогенной среде, где по большому счету не меняется картинка – ни офлайн, ни онлайн. Между тем наша обычная повседневность состоит из моментов постоянной вариативности, из игры слабых связей, случайностей, разнообразия маршрутов. Практически любое действие, такое как поход в магазин или поездка в общественном транспорте, является социальным актом, поскольку создает присутствие среди других.

«Человек не чувствует себя архитектором своей жизни»

По отношению к пандемии часто употребляется метафора войны. Однако текущие события оказались более сложными. У нас нет тыла – все происходит в том пространстве, где мы живем.

Когда началась Великая Отечественная война, был сильный шок, но через несколько месяцев, к поздней осени, жизнь в тылу стала восстанавливаться, а люди – возвращаться к довоенным «практикам»: создавать семьи, заводить детей, обсуждать бытовые темы. Наступил период привыкания: опасность никуда не делась, но стала фоновой.

С течением пандемии привыкание, несомненно, снизило напряжение и скепсис. Однако желание активно включаться в процесс по-прежнему низкое. По данным ВЦИОМ, только 38% россиян хотят вакцинироваться, что тоже своего рода социальная позиция, отражающая низкий уровень доверия к официальным институтам или общую пассивность, фатализм.

Обыватель часто чувствует себя не автором и архитектором своей жизни, а пассивной социальной материей, которую несет по волнам истории. Кстати, позиция в целом комфортная. Вопреки стереотипу о высокой отзывчивости, общество довольно сильно атомизировано, расколото.

В период пандемии мы увидели и акты солидарности, и нарастание разрывов, часто из-за неготовности к новым вызовам

государственных каналов коммуникаций. Разделение бизнеса на пострадавших и не пострадавших, которое было введено по отраслям экономики, стало крайне раздражающим — ведь по цепочке пострадали все.

Помощь носила очень неравномерный характер, но главное — язык коммуникации. Единого языка коммуникации власти с населением не возникло. Были замечательные образцы эмпатии, и был в целом печальный московский опыт, в котором общение с населением стало крайне механистическим. Как будто вокруг не люди, а роботы, которым можно просто переключить программу. Очевидно, что нужен совершенно другой уровень открытости и взаимодействия с сообществами.

«Сегодня растет запрос на новые модели социального обустройства»

В обществе возник синдром возвращения с войны — люди ожидают нового устройства мира. Будет неправильным вернуться к тому, что было до пандемии, тем самым поддерживая раскол между консервативными элитами и пока размытым, но устойчивым ожиданием другого мира. Сегодня растет запрос на новые модели социального обустройства — государственного реагирования, медицины, городского планирования и многого другого.

Мы уже наблюдали всплеск негативных настроений после первой волны заболеваемости в 2020 году. Движение Black Lives Matter в США, европейские, да и отчасти российские протесты стали следствием нереализованной социальной энергии — ей уже тесно в старых формах.

Необходимость новой парадигмы социального развития связана и с кризисом лидерства. Отсутствуют фигуры — стратеги и лидеры, — которые могли бы убедительно предложить новую модель. Сегодня социальная среда порождает, скорее, деструкторов, которые готовы атаковать текущую систему и искать в ней слабые зоны. И в обозримом будущем они будут доминировать.

На роль новых лидеров пытаются претендовать руководители технологических компаний с их развитым комплексом социального мессианства. Имея доступ к ресурсу крупнейших платформ и управлению информационными потоками, они пытаются сформировать новую ценностную базу, но пока получается воспроизводство старых принципов сегрегации, деления на правильно и неправильно мыслящих.

Запрос на новое лидерство еще не реализован. Миром правят старые элиты, которым в большей степени свойственна тяга к реставрации, и они, безусловно, будут сопротивляться. Многое будет зависеть от смены поколенческого слоя: когда новое поколение окрепнет, оно предъявит больше прав на новый мир.

Мы еще находимся внутри ситуации, поэтому прогнозировать дальнейшее развитие событий сложно. Однако 2021-2022 годы точно станут поиском баланса между реконструкцией старого мира и его переосмыслением.

Вначале должна измениться ситуация в бизнесе и городском планировании: управленческой и офисной культурах. Должна появиться новая философия города-трансформера, который бы располагал крупными социальными хабами и быстрым перепрофилированием пространств. Потом подтянется все остальное.

Беседовала Юлия Николаева